

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. СТУЧКА

ТОМ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

МОСКВА
1925—26

ЛИЦО (persona) в смысле современного права не представляет собою просто человека, его личность, индивида. Изречение римского юриста, что «право создано ради человека» (hominem causa), имевшее в свое время буквальное значение, юристами давно забыто. В правовом смысле Л., с одной стороны, представляет собою известного рода абстракцию, субъекта прав, с другой стороны, оно содержит в себе понятие хозяйствующей единицы. В первое время, как в римском праве Авл Эгерий и Нумерий Негидий, так и в правовых поговорах всякие Фомы, Петры и Иваны и т. п. Л. являются вполне конкретным отцом двора (pater familias), как главою низшей экономической ячейки общества. Таким образом, развитие до современного понятия субъекта права, как простой персонификации, олицетворения вещи («воли» товара или средства производства), составляет результат тысячелетней истории, в которой исчезла была самая связь между конкретным понятием человека и абстрактным понятием Л., субъекта права.

Мысль Маркса «о Л., воля которых господствует в вещах (как товарах)», встречается и у буржуазных юристов, не издавших книг Маркса, как-то: «вещь, так как она безвольна, имеет назначение быть подвластною воле способному (правоспособному) Л.». Но Маркс дал одновременно и представление о вещи, как господствующей (в виде орудия производства, напр.) над человеком. Значит, одно Л., как

«лицетворение вещи, представляет собою волю вещи, властвующей над другим Л., ею не владеющим: активный и пассивный субъекты права. Но буржуазное право их не разделяет, не конкретизирует, а, напротив, из них выводит совершенно отвлеченное понятие Л., стороны в правовом отношении, безразлично на каком из противоположных полюсов. Можно ли себе представить физика, обобщающего положительный и отрицательный полюс под единым общим понятием? Для юриста же подобное смешение вполне законопно. Ему—особенно в гр. праве (см.)—трудно доказать воочию, что и это право представляет собою в конечном выводе систему отношений между классами, т. е. между представителями двух противоположных полюсов, а именно: одними Л., властвующими над вещами, как порабощателями других Л. Был момент в истории или, по крайней мере, в представлении людей, когда это смешение всей массы субъектов прав в одну кучу «Л.» соответствовало экономике: в мелкобуржуазном обществе с преобладающим самостоятельным товаропроизводителем, откуда вытекала идеология абстрактного равноправия Л. В дальнейшем эта фикция уже принимает характер сознательного или бессознательного буржуазного лицемерия.

Но как право себе представляет это абстрактное Л., «сторону в деле»? Чтобы дойти до своей совершенной формы, эта абстракция прodelывает длинный путь... Л. должно быть правоспособно, т. е. иметь законное право быть субъектом права. Значит, власть, издающая закон, определяет, кто имеет это право, это право как бы делегировано государственной властью, напр., все сословные права феодального периода. Как известно, естественное право восходящей буржуазии, наоборот, выдвинуло теорию прирожденной правоспособности.

Первобытный коммунизм не знает понятия Л. В нынешнем смысле его не знает и первоначальное право. Первоначальное право является исключительным правом, привилегией, и даже в тех узких рамках, какие обнимает это право, субъектом права может быть только глава «малой семьи», дворохозяин (*pater familias*), как из-

вестного рода «власть на местах». Лишь постепенно из-под власти этого главы семьи освобождаются отдельные элементы, но ограничения продолжают еще долго. Эти ограничения относятся:

1. К полу. Женщина вообще, жена в частности, не только экономически, но и юридически, несвободна и неравноправна. Она подчинена либо отцу семьи, либо мужу.

2. К сословию. Не только раб, но и крестьянин, будь он крепостной или свободный, не являются сразу полноправными Л. в правовой области.

3. К расе. Долго существуют ограничения для принадлежащих к той или иной расе: евреев, чернокожих (негров), желтокожих и т. д.

4. К вероисповеданию. Существует деление граждан государственной, терпимой и нетерпимой религий, которое отражается и в праве.

5. К национальности. Имеется деление лиц по принадлежности на членов господствующей нации и угнетенных национальностей (у нас прежде инородцев), или на Востоке и в колониях, наоборот, на привилегированных чужестранцев и на неполноправных туземцев.

Буржуазная революция отмечает на словах, смотря по силе и основательности данной революции, более или менее все эти правовые ограничения. Она объявляет абстрактное равноправие и такую же абстрактную свободу личности, как субъекта прав, основываясь, как в Великой Французской Революции, на так называемом естественном праве. Но это равноправие иллюзорно или лицемерно, ибо остается и даже усиливается отличие в делении на классы по преимущественному цензу. Как видно из вышеизложенного, так называемое гражданское право также является системой отношений классовых и «споры о праве гражданском» прикрывают настоящую классовую борьбу. Но со временем (во Франции еще во время великой революции) у рабочих открываются глаза на их классово-угнетенное положение, и при их формальном, т. е. абстрактном, равноправии они убеждаются в том, что о каком-нибудь естественном праве субъекта или о свободе его воли,

т.-е. о его естественной правоспособности, говорить не приходится. И вот является у буржуазии новая правовая школа, которая, выступая резко против теории свободной воли человека, выдвигает новую теорию, теорию соц. функции. Эта теория сводится к тому, что каждому институту права, а вместе с тем и каждому субъекту права самим общественным развитием (буржуазному государству эта «социалистическая задача» не дана) присвоена вполне объективная социальная функция. К. Маркс в своем «Капитале» показал что классу капиталистов и его ученым идеологам, авторитетам классической полит. экономии, превращение прибавочной стоимости в прибавочный капитал и вообще эксплуатация труда представляется вечной социальной функцией, Маркс же старается доказать переходящую историческую роль этой функции. Ясно, что соответственно взладам буржуазных идеологов и социальная функция рабочего класса заключается в производстве для класса капиталистов не только стоимости, но — главное — и прибавочной стоимости. Маркс в опровержение их («Капитал», I, стр. 527) пишет: «Во всяком случае, это капиталист сам делит прибавочную стоимость на капитал и доход; это его собственный волевой акт... в силу его функции, как капиталиста, т.-е. его (социальной) функции самообогащения». Значит, он сам на себя, а не буржуазное государство на него возлагает эту социальную функцию.

Буржуазия эту новую фикцию социальной функции, делегированной государством, заимствовала из феодального строя в реакционных целях. Недаром она впервые выставлялась, как протест против революционного естественного права. Знаменитый пример сравнения субъективных прав с ковром, положенным на лестнице роскошного первого этажа жилого дома, находящимся в пользовании и квартирантов демократического пятого этажа, но на удаление которого последние, конечно, жаловаться не могут, хорошо характеризует всю эту теорию. У нас, не избалованных серьезными теоретическими работами по праву в революционно-марксист-

ском направлении, и такие теории на время имеют успех, особенно в виду словечка «социальный».

Какова роль Л. в нашем хозяйственном праве? Казалось бы, что вместе с переходом к социализму правовая абстракция должна исчезнуть вместе с буржуазным гражданским правом. Конкретные личности с их делением на классы, однако, до полного введения коммунизма остались. С отступлением к новой экономической политике и с введением Г. К. вернулось и абстрактное Л. и даже «юридическое Л.». Гражданская правоспособность (способность быть субъектом права) предоставляется Г. К. всем гражданам, не ограниченным по суду в правах, без различия пола, расы, национальности, вероисповедания и происхождения. Единственное исключение делается для иностранцев, не подходящих под ст. 20 Конституции РСФСР, для которых, поскольку нет особых международных соглашений, гражданские права могут быть ограничены особым постановлением центральных органов правительства по согласию с Наркоминделом (ст. 8 вводного зак. к Г. К.). Пока такие ограничения не изданы, они пользуются всеми правами.

Но эта правоспособность объявлена условно. Гражданские права не охраняются, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением (ст. 1). А «назначение» это выражено в ст. 4 Г. К. словами: «В целях развития производительных сил страны РСФСР». Но ст. 6 одновременно гласит: «Никто не может быть лишен гражданских прав или ограничен в правах иначе, как в случаях и в порядке, определенных законом». Ни судебная, ни административная практика еще не выяснила этих случаев, и их применения. Ведь «развитие производительных сил» — пишет на своем знамени весь класс капиталистов, Гойхбарг в своем хоз. праве (ст. 23) разъясняет значение этих ограничений словами: «Допущенная и предоставленная общегосударственной властью гражданская правоспособность граждан не есть преграда для законодательной деятельности этой же власти» (ст.ст. 1 и 6).

Это само собою разумеется, но для того, чтобы оговорить лишь неограниченное право государства издавать общие законы, едва ли нужна была сложная конструкция, что «источником правоспособности является... только соответственный акт государственной власти». Не будет ли правильнее для нас искать основы для прав личности или его правоспособности в экономической сфере? Ведь законодатель не отменит своего закона, пока ему этого не позволят его материальные условия, базис. К чему тут фантастические теории? И, наконец, сама правоспособность в Г. К. дается безусловно, только отдельные права могут быть отменены (т.-е. взяты обратно) при нарушении условия. Разве сейчас мыслим у нас закон, ограничивающий вдруг правоспособность женщин, евреев или нечто в этом роде? Ясно, что нет! Значит, при чем тут делегирование? (см. Правоспособность и Суб'ект).

П. Стучка.